

А. И. Трояк
ЗАГАДОЧНЫЕ ЗАМЕТКИ
КАНТА
(послесловие к публикации)

1. Экскурс в историю текстов

Впервые на русском языке представлен полный текст «Семи небольших заметок» И. Канта. Четыре из них ранее уже переводились отечественными кантоведами, но это было сделано в другом контексте и они представлены разрозненно. Три из них никогда не переводились на русский язык. Поэтому мы посчитали необходимым осуществить самостоятельный перевод всех семи, включая новый перевод тех четырех, которые уже опубликованы.

Сначала следует остановиться на уже переведившихся заметках. Одна из них («Опровержение проблематического идеализма») вместе с другими фрагментами об идеализме переведена профессором В. А. Жучковым. Ее впервые опубликовали в 1978 году в межвузовском сборнике «Вопросы теоретического наследия» [11], который с 1981 года стал именоваться «Кантовским сборником». В последующем этот перевод был перепечатан в «Трактатах и письмах» И. Канта в 1980 году [13], а потом — в собрании сочинений И. Канта в восьми томах в 1994 году [10].

Заметки «Ответ на вопрос: является ли то, что мы мыслим, опытом?», «О чуде», «О формальном и материальном значении некоторых слов» переведены профессором В. В. Васильевым и опубликованы в 2000 году [5, с. 246–248]. В это же издание вошел второй перевод заметки «Опровержение проблематического идеализма», сделанный также профессором В. В. Васильевым [5, с. 285–286]. Одна из упомянутых заметок («Ответ на вопрос: является ли то, что мы мыслим, опытом?») впервые была опубликована в журнале «Логос» в 1997 году под названием «Ответ на вопрос, опыт ли то, что мы мыслим?» [1].

Предыстория текста в деталях до сих пор неизвестна российскому читателю. Существует лишь одна ссылка на заметки Канта в восьмитомнике собрания со-

чинений Канта, где говорится, что Кант лично передал их своему ученику Кизеветтеру¹, однако более никакой информации не приводится [4, с. 698]. Поэтому целесообразно заполнить данный пробел в российском кантоведении, ибо среди немецких философов и последователей Канта вопрос о статусе данных заметок уже обсуждался, и не раз. Тем более что история, связанная с «Семью небольшими заметками», не имеет однозначной интерпретации.

Первое издание этих небольших сочинений вышло в свет в 1842 году и было включено в первое собрание сочинений И. Канта. Инициаторами и составителями выступили философы Ф. Шуберт² и К. Розенкранц³.

Следующее собрание сочинений Канта, в котором также есть эти заметки, вышло в 1862 году [21] под редакцией Г. Хартенштайна⁴. Исходный текст «Семи небольших заметок» для осуществленного нами перевода взят из данного собрания сочинений И. Канта. Хартенштайн полностью перепечатал у Шуберта эти семь заметок. Издание Хартенштайна пользовалось большой популярностью в Германии, о чем свидетельствует статья в Гейдельбергском литературном ежегоднике 1867 года, в которой обозреватель Карл Райхлин-Мельдег⁵ восторженно отзываясь о новом собрании сочинений Канта и выражает признательность издателю Г. Хартенштайну за его кропотливую работу. По поводу «Семи небольших заметок» Райхлин-Мельдег пишет: «В конце четвертого тома представлены семь небольших сочинений 1788–1791 годов. Впервые доступными [общественности] их сделал Ф. В. Шуберт совместно с К. Розенкранцем. <...> За содействие в передаче [семи заметок] Шуберт благодарит Фарнхагена фон Энзе» [27, S. 567].

В 1873 году состоялось еще одно переиздание «Семи небольших заметок» [22], вошедших в пятьдесят седьмой том собрания сочинений И. Канта под редакцией Ю. Кирхмана⁶. Во вступительном слове Кирхман отмечает, что им были обновлены предисловия к трудам Канта и сделано это с большей внимательностью и с учетом историографических комментариев [25, S. VI]. Кирхман попытался улучшить предшествующее издание Г. Хартенштайна, однако предисловие Шуберта к «Семи небольшим заметкам» не было из-

¹ Кизеветтер Иоганн Готфрид Карл Христиан (Johann Gottfried Karl Christian Kiesewetter; 4 ноября 1766, Берлин — 9 июля 1819, там же) — немецкий логик и философ, популяризатор учения Канта.

² Шуберт Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm Schubert, 1799–1868) — немецкий историк, родился и жил в Кёнигсберге, профессор Кёнигсбергского университета. Совместно с К. Розенкранцем издал собрание сочинений И. Канта.

³ Розенкранц Карл (Johann Karl Friedrich Rosenkranz; 1805–1879) — немецкий философ, гегельянец. Был профессором философии в Кёнигсберге.

⁴ Хартенштайн Густав (Gustav Hartenstein, 1808–1890) — немецкий философ, издатель собрания сочинений Канта. Ординарный профессор университета Лейпцига. Последователь И. Ф. Гербарта.

⁵ Райхлин-Мельдег Карл Александер Мария (Carl Alexander Maria Freiherr von Reichlin-Meldeg, 1801–1877) — немецкий теолог и философ, доктор теологии, переводчик. Популяризатор философии. Работал учителем в гимназии Фрайбурга, в 1825 году стал доцентом, в 1840-м получил звания профессора. Четыре года находился в должности декана философского факультета. Умер в Гейдельберге.

⁶ Кирхман Юлиус (Julius von Kirchmann, 1802–1884) — немецкий философ и юрист. Член Прусской национальной ассамблеи. Осуществил переводы Аристотеля, Роджера Бэкона, Гуго Гроция, Давида Юма. Издал собрание сочинений И. Канта.

менено. Таким образом, история возникновения небольших заметок Канта дублируется Кирхманом и Хартенштайном со ссылкой на Шуберта.

В академическом издании сочинений И. Канта эти семь фрагментов значатся как «Lose Blätter» (разрозненные листки), вместе собраны лишь три из переведенных нами заметок, а именно «Ответ на вопрос: является ли то, что мы мыслим, опытом?» (№5661), «О чуде» (№5662) и «О формальном и материальном значении некоторых слов» (№5663). Озаглавлены они как «Заметки Кизеветтера»⁷ и вошли в рукописное наследие Канта под общим заголовком «Метафизика»⁸. Также в «Метафизику» включена заметка «Опровержение проблематического идеализма» (№631), но она находится в ином контексте наряду с другими фрагментами, направленными против идеализма⁹.

Заметка «О частичном провидении», идущая, согласно последовательности Кизеветтера, под третьим номером, находится в «Комментариях к Г. Ахенвалло»¹⁰ и значится под №8091¹¹. Заметка «О молитве» имеет №8092¹². Заметка по физике «О моменте скорости [тела] в начальный момент падения» помещается под №67 в части рукописного наследия «Математика — физика и химия. Физическая география»¹³.

Все эти заметки на немецком языке можно найти в электронной базе сочинений И. Канта, которые представлены в цифровом формате Института исследования коммуникации и фонетики (Бонн)¹⁴.

Возникает вопрос, почему рассматриваемые заметки не были собраны вместе, как в издании Ф. Шуберта. В первую очередь можно предположить, что Э. Адикес¹⁵, отвечавший за систематизацию рукописного наследия И. Канта, не посчитал необходимым их объединять вследствие тематической разрозненности¹⁶. Однако есть свидетельства того, что у Э. Адикеса были в

⁷ Nr. 5661—5663: *Kiesewetter-Aufsätze* // Kant I. *Metaphysik Zweiter Theil* [AA XVIII, S. 318—323].

⁸ По большей части заметки и черновые наброски были сделаны Кантом на полях «Метафизики» А. Баумгартена, которой он пользовался при подготовке к чтению собственных лекций по метафизике.

⁹ *Kant I. Metaphysik Zweiter Theil* [AA XVIII, S. 610—612].

¹⁰ Ахенваль Готфрид (Gottfried Achenwall, 1719—1772) — немецкий ученый, профессор философии и права Гёттингеского университета. Впервые употребил термин «статистика» в его современном значении.

¹¹ *Kant I. Erläuterungen zu G. Achenwalls* [AA XIX, S. 636—637].

¹² *Ibid.* [AA XIX, S. 637—638].

¹³ *Kant I. Physik und Chemie* [AA XIV, S. 495—496].

¹⁴ См.: *Das Bonner Kant-Korpus*. URL: <http://www.korpora.org/Kant/> (дата обращения: 02.08.2012).

¹⁵ Адикес Эрих (Erich Adickes, 1866—1928) — немецкий философ, профессор, систематизатор учения И. Канта. С 1895 был заведующим кафедрой философии в университете имени Христиана Альбрехта в Киле. Предложил концепцию четырех мировоззрений: догматического (доктринерского), агностического (скептического), традиционного и инновационного, предвосхитив этим концепции психологических типов XX века.

¹⁶ Работа над полной систематизацией наследия Канта была начата В. Дильтеем в 1894 году в рамках проекта Берлинской академии. Материал кантовских работ был разделен на четыре части: I — сочинения Канта (печатные издания), II — письма, III — рукописное наследие, IV — лекции. За сочинения Канта отвечал сам В. Дильтей, за письма — кёнигсбергский библиотекарь Р. Райке, за рукописное наследие — Э. Адикес, за лекции — М. Хайнце. С 1987 года к работе подключились Р. Брандт, В. Шгарк, К. Крамер, Ф. Герхард, Ю. Миттельштрасс.

распоряжении только некоторые заметки, а именно библиотечный немаркированный формуляр «Kiesewetter 8» (№6311) и единый по своему речевому и содержательному своеобразию фрагмент, обозначенный как «Kiesewetter 3» (№6312) [29, S. 295]. Оба сочинения — небольшие тексты Канта, посвященные опровержению идеализма. В принадлежности этих двух сочинений перу Канта Адикес не сомневался. По поводу авторства остальных заметок он советует быть осторожным, так как доподлинно не известно, исходят ли они от самого Канта. Поэтому, как отмечает В. Штарк, остальную информацию о «Семи небольших заметках» Адикес мог получить только из предисловия Шуберта [29, S. 294]. В 1928 году Адикес умер, и у него, естественно, не было возможности изучить работу А. Варды¹⁷ «Труд о философии природы Канта, оставленный в наследство его учеником Кизеветтером», которая вышла в том же 1928 году. В этой статье Варда обосновывает, что нельзя достоверно приписывать авторство этих заметок самому Канту, но следует иметь в виду Кизеветтера, который в память о своем великом учителе планировал издать трактат Канта «Метафизические начала естествознания» в 1808 году, снабдив его предисловием и введением, и в качестве приложения опубликовать семь сочинений, разъясняющих учение Канта [30, S. 312]. В этом отношении Артур Варда — один из первых исследователей философии Канта, кто провел детальный исторический анализ этих «Семи небольших заметок», заполнив информационные пробелы, которые никто не пытался устранить со времени опубликования предисловия Ф. Шуберта.

Согласно предисловию Ф. Шуберта к «Семи небольшим заметкам», И. Кант передал эти семь сочинений профессору И.Г.К. Кизеветтеру, который приезжал в Кёнигсберг в 1788–1889 и 1791¹⁸ годах. Кизеветтер получил разрешение Канта на посещение с 11 до 12 часов дня, чтобы обсудить с кёнигсбергским философом трудные места в его сочинениях, а также задать вопросы. Кант давал Кизеветтеру на дом небольшие заметки для прочтения и изучения перед следующей встречей. Часто в ходе длительных бесед и обсуждений философских проблем он отражал содержание своих утверждений в письменном виде. Издатель далее подчеркивает, что хронологическая последовательность текстов собственноручно указана Кизеветтером в 1808 году [20, S. 261]. Предисловие заканчивается благодарностью тайному советнику Карлу Августу Фарнхагену фон Энзе¹⁹ за предоставленные сведения.

Незнание того, что на самом деле опубликовал Шуберт, ввело в заблуждение двух последующих издателей (Хартенштайна и Кирхмана) и поначалу даже Адикеса — все потому, что Шуберт, как пишет В. Штарк, нечетко выражает свои мысли, в связи с чем его высказывания нельзя понимать дословно [29, S. 294]. Когда Шуберт пишет следующее: «Я сохраняю здесь последовательность, которую собственноручно определил сам Кизеветтер в

¹⁷ Варда Артур (Arthur Warda, 1871–1929) — немецкий философ, исследователь философии Канта. Родился и умер в Кёнигсберге. Изучал право в университете г. Галле, публиковал вместе с Р. Райке свои работы в «Старопруссском ежемесячнике». Э. Адикес благодаря Варде получил поддержку в издании рукописного наследия И. Канта.

¹⁸ Ф.В. Шуберт ошибся с определением даты второго приезда Кизеветтера, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

¹⁹ Фарнхаген фон Энзе Карл Август (Karl August Varnhagen von Ense, 1785–1858) — немецкий хроникер, писатель, биограф, дипломат.

1808 году» [20, S. 261], это следует понимать так: «Я, Шуберт, печатаю здесь тексты, которые Кизеветтер написал в 1808 году». Адикес понял это предложение Шуберта так, что Кизеветтер определил только последовательность текстов Канта. Профессор Штарк же подчеркивает: «Фарнхаген не передавал Шуберту никаких написанных Кантом рукописей, но только варианты (Fassungen) Кизеветтера, которые восходят к 1808 году. Больше Шуберт ни о чем не говорит! Оттого и не выяснено авторство этих сочинений. "Писатель" и "составитель" не всегда с необходимостью совпадают» [29, S. 295].

Для прояснения ситуации с заметками Канта необходимо провести проверку фактов, которые приводятся в предисловии Шуберта. Во-первых, следует уточнить годы пребывания Кизеветтера в Кёнигсберге, во-вторых, определить роль тайного советника Фарнхагена в публикации «Семи небольших заметок» и, в-третьих, подробно описать, какой проект готовил Кизеветтер в 1808 году.

1. Пребывание Кизеветтера в Кёнигсберге.

Основными источниками, описывающими пребывание Кизеветтера в Кёнигсберге, являются письма Кизеветтера Канту, информация биографов Канта и биография Кизеветтера, написанная Х.Г. Флиттнером.

Известно, что Кизеветтер прибыл в Кёнигсберг в начале октября 1788 года и пробыл до середины октября 1789 года. Исходя из сообщения А. Яхмана, Кизеветтер был прислан к Канту Фридрихом Вильгельмом II, чтобы воспользоваться устными уроками философа [30, S. 306]. Также есть сведения о том, что в течение двух семестров 1788 года Кизеветтер служил у Канта в качестве копииста [24].

В биографии о Кизеветтере говорится, что он не только посещал лекции Канта, но также был приглашенным гостем на еженедельных устных беседах с философом [30, S. 305]. Общение Кизеветтера с кругом Канта (Краус, Шульц, Гиппель) сделало пребывание в Кёнигсберге «таким полезным и приятным, что он говорил об этом периоде как о самом счастливом времени его жизни» [16, S. XVII]. Сам Кизеветтер пишет в письме Канту от 15 ноября 1789 года: «Я всегда с глубоким умилением думаю о той удаче, что являюсь другом Вашего общества; и я беспрестанно обращаюсь к прошлому моей памяти, когда бы смог еще раз сказать Вам, что я чувствую, как я Вам благодарен и как я это все ценю. Передайте Вашему многоуважаемому другу господину профессору Краусу мой теплый комплимент — я горжусь тем, что он одарил меня своим вниманием и дружбой» [17].

Из воспоминаний К.Э. Боровского мы можем судить о том, насколько Кант ценил письма Кизеветтера. Объяснялось это прежде всего интересом Канта к новостям из других земель Германии [30, S. 306].

После возвращения в Берлин Кизеветтер корректировал текст «Критики способности суждения», которая публиковалась в издательстве Лагарда. В июле 1790 года Кизеветтер получил степень магистра в Галле и у него возникло «непреодолимое желание» вновь посетить Кёнигсберг и старых друзей [30, S. 305].

В начале сентября 1790 года он во второй раз прибыл в Кёнигсберг, а в конце октября вернулся назад в Берлин. Как пишет Х.Г. Флиттнер, пребывание Кизеветтера в столице Восточной Пруссии длилось два месяца [16, S. XVII], однако А. Варда обоснованно возражает этому заявлению и ссылается на письмо от 20 апреля 1790 года, в котором говорится о четырнадцатидесяти днях пребывания в Кёнигсберге.

тидневном сроке пребывания [30, S. 306]. Именно этот период связан с полученными им от Канта «Семью небольшими заметками», которые впоследствии опубликовал Шуберт с подачи Фарнхагена²⁰.

2. Роль Фарнхагена фон Энзе в издании «Семи небольших заметок».

Известно, что Фарнхаген фон Энзе слушал вместе с Клаузевицем²¹ лекции профессора Кизеветтера о философии Канта в Берлинской военной академии [26, p. 317]. Тем самым он имел представление не только о философии Канта, но также об ее интерпретации Кизеветтером, что сыграло немаловажную роль в понимании им этих семи сочинений.

Историк П. Парет отмечает, что Фарнхаген фон Энзе достиг в дипломатической карьере должности министра-резидента Пруссии, имел серьезные дипломатические связи, а также являлся критическим обозревателем политической и социальной обстановки в столице [26, p. 317]. Учитывая то, что Фарнхаген был эрудитом, разбирался в философии и коллекционировал работы немецких мыслителей, можно предположить, что у него имелись и «Семь небольших заметок» Кизеветтера. После смерти Кизеветтера в 1819 году тексты предисловия и введения к планируемой работе также попали к Фарнхагену фон Энзе. Поэтому Ф. Шуберт при издании данных сочинений Канта воспользовался помощью Фарнхагена, который передал ему «Семь небольших заметок». (Аналогичная ситуация произошла позже с Гегелем, когда тому требовались рукописные фрагменты барона фон Гумбольдта: Фарнхаген переслал их ему, о чем свидетельствует письмо Гегеля к Фарнхагену от 24 ноября 1827 года [2].)

3. Незавершенный проект Кизеветтера.

В письме от 8 июня 1795 года Кизеветтер пишет: «Мне бросается в глаза то обстоятельство, что остальные работы часто востребованы, разъясняются, конспектируются, истолковываются и т. д., но лишь немногие до сих пор занимались "Метафизическими началами естествознания". Я не знаю, либо они не понимают, насколько бесценна эта работа, или же считают ее чересчур сложной» [30, S. 307].

Кизеветтер планировал написать комментарий к этой работе Канта, однако его план не был реализован в связи с ухудшением состояния его здоровья и служебной занятостью. В нашем распоряжении остались только введение и предисловие, которые Кизеветтер написал в 1808 году (эту дату упоминает Шуберт в своем предисловии). В предисловии Кизеветтер утверждает: «"Метафизические начала естествознания" Канта определенно принадлежат к первому продукту его великого духа, и если бы он не дописал его, [этому труду] было бы уже гарантировано бессмертие. <...> Большинство примечаний, которые я добавил к произведению Канта, были написаны мной в период пребывания в Кёнигсберге и им прочитаны и одобрены, другие же [примечания] добавлены лично мною» [30, S. 310].

В заключительном абзаце предисловия Кизеветтер пишет о заметках Канта: «В конце [скажу] еще несколько слов о приложении, включающем

²⁰ В труды некоторых исследователей закралась ошибка, будто Кизеветтер был в Кёнигсберге в 1791 году. Ф. В. Шуберт также допускает неточность. Причиной стало предисловие к издательскому проекту Кизеветтера, в котором он сам говорит о своем пребывании в Кёнигсберге в 1791 году, что является, по мнению А. Варды, ошибкой.

²¹ Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон (Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz, 1780–1831) — прусский офицер и военный писатель, который своим сочинением «О войне» (опубл. 1832) произвел переворот в теории и основах военных наук.

множество небольших заметок Канта. Благородный муж предоставил мне разрешение побывать у него в течение нескольких дней (с 11 до 12 часов) в период моего пребывания в Кёнигсберге. Мы были совершенно одни, и время было посвящено обсуждению философских предметов, разъяснению сложных мест его сочинений, ответам на вопросы, которые я ему предлагал... я никогда не забуду эти [проведенные] часы! Случалось много раз так, что он давал мне небольшие заметки на дом, чтобы я их читал, а затем в соответствующие часы обсуждал их с ним, или же после обсуждения какой-либо темы он передавал написанные им утверждения. <...> К таким заметкам принадлежат те, которые никогда не представлялись общественности, из тех, как я сказал, что еще не публиковались. <...> Я точно знаю, что эти небольшие заметки тесно связаны с "Метафизическими началами естествознания"» [30, S. 312].

Итак, исходя из проведенного нами небольшого исторического исследования, можно, по нашему мнению, сделать следующие выводы:

1. Ф. Шуберт для своего издания сочинений Канта взял информацию из предисловия Кизеветтера. Остальные издатели полностью перепечатавали изложение ее Шубертом.

2. В 1808 году Кизеветтер не определил последовательность построения заметок Канта (как об этом пишет Шуберт), а планировал начать проект по комментированию и изданию «Метафизических начал естествознания» Канта.

3. Большинство заметок Кизеветтер получил от Канта в период пребывания в Кёнигсберге, и сам Кант одобрил его проект. Однако Кизеветтер не пишет конкретно о семи заметках, так как их было больше. Поэтому целесообразно полагать, что Кизеветтер вполне мог отредактировать некоторые заметки по своему усмотрению, как считает профессор В. Штарк. Следовательно, необходимо соблюдать осторожность в использовании их под именем Канта.

Но все же в целом нельзя утверждать, что Кизеветтер добавил что-либо в эти заметки от себя, так как по содержанию они соответствуют тематике основных работ Канта и сам Кизеветтер писал, что Кант проверял их. Максимум, что может относиться в них не к перу Канта, это последовательность, в которой расположил их Кизеветтер, а также выделения им интересных, на его взгляд, мест в тексте. В нашем переводе эти выделенные места обозначены разрядкой.

2. Замечания по поводу перевода

Оригинальные тексты Канта достаточно сложны для понимания, в связи с чем при переводе на русский язык нередко требуются уточнения со стороны переводчика, которые были сделаны мной в квадратных скобках. Кант повсеместно использует сложноподчиненные конструкции, употребляет неопределенные местоимения, что иногда затрудняет выделение подлежащего. В круглых скобках приводится оригинальная терминология Канта (как правило, на латинском языке). Заметки Канта снабжены примечаниями в его излюбленной манере, что подчас не разъясняет, а, наоборот, усложняет содержание.

Четыре заметки, которые перевел профессор В. В. Васильев, представлены им в таком же усложненном виде, а именно — он повсеместно использует деепричастные обороты и оставляет латинские термины Канта без перевода. Очевидно, замыслом В. В. Васильева было продемонстрировать этим переводом манеру письма Канта в жанре черновика. Нашей же целью стало облегчение понимания текста на русском языке, прояснение его на стадии прочтения.

Иначе, чем В. В. Васильев, мы переводим некоторые ключевые понятия Канта. Например, профессор Васильев во втором примечании к заметке «О чуде» слово *Gottheit* переводит и как «божество», и как «Бог». В нашем переводе употребляется один вариант — «Бог». Слово *Übereinstimmung* в заметке «О формальном и материальном значении некоторых слов» переводится В. В. Васильевым как «согласие», мы же понимаем его как «соответствие», что выражает суть соотнесенности, как в теории корреспондентной истины. Употребляемый в этой же заметке термин «*Laugkeiten*» профессор Васильев переводит как «теплинки», мы же предпочли здесь выражение «дискретные части теплоты».

3. Тематические замечания

Содержательно все семь заметок, приведенные в нашем переводе в последовательности Кизеветтера, практически отражают философские взгляды Канта, однако их не следует рассматривать в отрыве от всего корпуса сочинений Канта, так как, по сути, в них отрабатывается аргументация, которая использовалась Кантом в его крупных работах.

Заметка «*Ответ на вопрос: является ли то, что мы мыслим, опытом?*» входит в проблематику «Критики чистого разума». Известно, что Кант понимал опыт в двух смыслах: как знание о предметах чувств и как «сырой» материал чувственности. В заметке Кант утверждает фундаментальную мысль, развитую им в «Критике чистого разума»: идеи о вещах еще не есть вещи сами по себе. Эта мысль является отличительной особенностью кантовской критической метафизики, принимая во внимание его опровержение тезиса догматической метафизики о тождестве бытия и сознания.

Заметка «*О чуде*» напрямую связана с общим замечанием «О чудесах» в «Религии в пределах только разума» (1793). В заметке Кант рассматривает чудо в формальном и материальном значении, а также с позиций механики, используя закон действия и противодействия. В «Религии в пределах только разума» о чуде написано более простым языком, а именно о связи человека с его моральным состоянием и отношением к Богу. Однако в обоих текстах Канта звучит общая мысль: «Что же касается чудес вообще, то оказывается, что разумные люди, хотя они и не думают отказываться от веры в них, все же никогда не склонны допускать какого-либо практического проявления этой веры» [14, с. 91].

Следует отметить, что аргументация к заметке связана с аргументацией, присутствующей в «Метафизических началах естествознания» (1786): затрагивается проблема абсолютного времени и пустого пространства, и в обоих случаях Кант доказывает их невозможность [8, с. 370—371]. Поэтому

чуду можно приписывать, как это делает Кант, различные предикаты (абсолютное, относительное, случайное, предопределенное), что, в свою очередь, как выясняется, основано на знании причин и следствий.

Заметка «*Опровержение проблематического идеализма*» уже известна российскому читателю, она широко обсуждалась в философских кругах. На стандартный вопрос об идеализме — существует ли нечто вне меня, возможны различные варианты ответов: 1) ничего не существует вне меня; 2) если нечто существует, то это сомнительно; 3) вопрос о существовании внешнего мира не имеет смысла. Кант в рамках заметки пытается найти положительный ответ на вопрос.

Обычно заметку «Опровержение проблематического идеализма» рассматривают в совокупности с четырьмя подобными заметками, которые посвящены различным способам опровержения идеализма и в которых Кант отрабатывает и развивает собственную аргументацию для «Критики чистого разума» (1787). Заметка практически повторяет отрывок из основной работы Канта [В 275]²².

Заметку «*О частичном провидении*» можно соотнести с основными работами Канта, так как она затрагивает базисные философские категории случайности и необходимости. О провидении Кант упоминает в работе «О конце всего сущего» (1794): «...что касается успешного выбора средств для достижения лучшей конечной цели, то это надо предоставить Провидению, так как исход, определяемый ходом природы, всегда остается неизвестным» [9, с. 215]. В заметке Кант дает разъяснение о том, что для Бога нет различия между категориями возможности, действительности и необходимости, следовательно, остается рассчитывать только на силу человеческого разума, который способен предвидеть свои поступки, если они в настоящем времени совершаются в рамках морали. Эту же мысль Кант в других словах выражает в работе «О конце всего сущего»: «...человеческая же мудрость состоит в том, чтобы в своих поступках не противоречить явно идее божественной мудрости» [10, с. 214].

В данной заметке Кант вскользь затрагивает также проблему закона достаточного основания (как закон определяющего основания сформулированного в работе 1755 года «Новое освещение первых принципов метафизического познания»), но не использует его в рамках собственной терминологии, при этом подразумевая причинно-следственную связь. *Во-первых*, Кант анализирует данный закон в рамках субъект-предикатного отношения, где субъект как основание *определяет* предикат, поэтому у Канта в дальнейшем уже не встретить старой формы «достаточный», но всегда только «закон *определяющего* основания» (Ratio determinans), связанный с понятием причинности [9, с. 269]. *Во-вторых*, Кант отрицает возможность

²² Среди историков философии часто поднимается вопрос о знании Кантом оригинальных работ Беркли. Кант практически никогда не цитирует Беркли напрямую, зато «одаривает» его различными эпитетами. В «Критике чистого разума» Кант называет его «добрый Беркли» («guter Berkeley») [18, S. 92], но после нелицеприятной рецензии Гарве на произведение великого кёнигсбержца атакует Беркли с еще большей силой, называя его теорию «мистической и мечтательной» («mystisch und schwärmerisch») [19, S. 70]. Однако исследователи сходятся во мнении, что Кант был знаком в докритический период только с латинским текстом Беркли «О движении» (1721) и «Алсифроном, или Мелким философом» (1732) в немецком переводе [28, S. 92–94].

самодостаточности основания, на которой настаивал Вольф [9, с. 273]. В-третьих, Кант переходит границы догматической метафизики, когда он рассуждает о начальной причине или основании, т.е. о Боге, и тонко использует это понятие для того, чтобы рассмотреть свободу человеческих поступков в рамках цепи оснований. Уже в данной работе докритического периода для Канта очевидна разность *природного и морального мира*, причем моральный мир он связывает со способностью спонтанного человеческого действия, о чем непосредственно пишет [9, с. 287].

В заметке «*О молитве*» Кант касается деликатного вопроса, который коренится в недрах психики человека и зависит от меры его религиозного чувства. Как сторонник светского подхода к этике он считает молитву лицемерием и притворством, где индивид под давлением страха²³ за воздаяние либо же, наоборот, вследствие стремления заискивания совершает молитву, т.е. при молитве осуществляется подмена: моральный закон (категорический императив) подменяется прагматическим (императивом счастья). В «Лекциях по этике» Канта присутствует целый параграф с одноименным этой заметке названием [7, с. 106 – 107]. В нем Кант использует однотипную аргументацию, которую вкратце можно выразить следующим образом: человек прибегает к молитве вследствие нужды (будь то моральная либо физическая), облекая ее в слова для ясного представления; тем самым человек побуждает себя к моральности и благоразумию; однако мольба обращена к объекту (Богу), которого мы видеть не можем, следовательно, и разговаривать с таким объектом нелепо. Таким образом, молитва выражает только субъективный интерес человека, так как видимого объекта не существует.

В переведенной нами заметке Кант также касается полезных свойств молитвы (например, в публичных обращениях к народу), и то же самое он пишет в «Лекциях по этике»: «...если молитва совершается торжественно, например, в церкви и т.д., то это оказывает сильное воздействие на всякого человека» [7, с. 107–108]. Кант уделяет место и вопросу стыда в процессе молитвы, но в переведенной заметке он ограничивается утверждением, что молитва вызывает у молящегося чувство стыда, тогда как в «Лекциях по этике», в пункте «О чувстве стыда в отношении дела молитвы», пишет развернуто: «Первая причина стыда, таким образом, в нежелании, чтобы нас считали лицемерами. Вторая же причина: Бога мы познаем не наглядно представляя, но верою. <...> Хотя вера столь же сильна, как и созерцание, но Бог, однако же, решительно не есть предмет созерцания, но только веры, следовательно, я должен обращаться к Богу как к предмету веры» [7, с. 119]²⁴.

В заметке «*О моменте скорости [тела] в начальный момент падения*» Кант рассматривает отличия самой скорости тела от момента скорости в рамках признаков экстенсивности и интенсивности. Под моментом движения в таком случае подразумевается движение приведенного момента,

²³ Как сказано в Притчах: «Страх Господень – источник жизни, удаляющий от сетей смерти» (Притч. 14: 27).

²⁴ Впоследствии нравственную функцию молитвы раскрыл в своих работах французский этнограф и социолог М. Мосс (1872–1950), согласно идеям которого молитва является ритуалом и выступает в обществах как символ инициации, нацеленной на изменение сознания человека. Также он подчеркивал возможность деградации молитвы в виде ее редукции к материальному фетишам. Подробнее см.: [15, с. 241, 277].

причем сам момент скорости тела еще не является скоростью самой по себе. Поэтому, заключает Кант, нельзя сказать, что тело в начальный момент падения имеет определенную скорость в разных пространствах.

Эта заметка относится к тематике «Метафизических начал естествознания» (1786) — к разделу «Механика» (где рассматривается материя в отношении с ее собственным движением). Схожие заголовки без последующего содержания присутствуют также в рукописи незаконченного труда «Opus Postumum»: «О моменте движения (мертвая сила) и ускорения», «О толчке и живой силе (percussio) в одном мгновении (ictus)» [5, с. 531].

Известно: Галилей и Ньютон считали, что без действия других тел и сил тело сохраняет скорость постоянной (движется равномерно и прямолинейно, по инерции, в инерциальной системе отсчета), а причиной любого ускорения является сила. Кант в «Метафизических началах естествознания» выступает против понятия «сила инерции», основываясь на законе действия и противодействия и ссылаясь на то, что даже Ньютон не смог доказать это понятие *a priori*: «...название *сила инерции* (*vis inertiae*), несмотря на славное имя того, кто ввел его в употребление, должно быть совершенно изгнано из естествознания не только потому, что оно заключает противоречие уже в самом термине, или потому, что закон инерции (безжизненности) легко можно тем самым спутать с законом противодействия... будто противодействие тел, обозначаемое термином *сила инерции*, заключается в том, что движение в мире им истощается, уменьшается или уничтожается...» [8, с. 354].

Для того чтобы показать важность закона притяжения и отталкивания при движении тел, Кант в своем рассмотрении отдает приоритет скорости как интенсивной величине: «...не может быть и разницы между живыми и мертвыми силами, если движущие силы рассматриваются механически, т. е. как такие, которыми тела обладают, поскольку они сами движутся, все равно, будет ли скорость их движений конечной или бесконечно малой» [8, с. 339]. В данном случае скорость как интенсивная величина не изменяется и не зависит, например, от температуры и давления. Поэтому Кант в переделанной нами заметке указывает, что нельзя говорить о разности скоростей тел в начальный момент своего падения на разных планетах, к примеру, но можно говорить о разном стремлении к движению. Стремление к движению связано с понятием времени. Эта мысль присутствует и в «Метафизических началах естествознания»: «Те, кто за меру всего движения принимали лишь величину пространства, оказывающего сопротивление... вывели другой закон движущих сил в *случае действительных движений*, а именно закон произведения количества материй на квадраты их скоростей; однако они не заметили величины действия за данное время, в которое тело проходит свое пространство с меньшей скоростью, а ведь только это время и может быть мерой движения...» [8, с. 339].

Проблематика скорости тела интересовала умы многих физиков того времени. Кант упоминает И. Ньютона и И. Кеплера, однако еще в XVII веке вышел труд Х. Гюйгенса «О движении тел под влиянием удара», в котором рассматривается вопрос о скорости тел [3].

Формулы, приведенные Кантом в этой заметке, вполне могут содержать неточности по определенным историческим причинам. Так, в 14 томе собрания сочинений Канта (1925) в примечаниях к этой заметке Э. Адикес усмотрел ошибку в доказательстве Канта: «В доказательстве Канта допу-

щена формальная ошибка, которая заключается в неточном определении значения "GH" согласно [равенству] $AG = 2AD$. Здесь следует добавить: и обозначается [равенство] посредством "GH", которое (с "BK") достигает скорости в "AG"» [23, S. 495].

Заметка «О формальном и материальном значении некоторых слов» также относится к тематике «Метафизических начал естествознания». В предисловии к этому труду Кант анализирует понятие «природа» в формальном и материальном значении. Природа в формальном значении в качестве свойства относится к существованию той или иной вещи, а в материальном выступает как совокупность всех вещей, могущих быть предметами наших чувств [8, с. 248]. Иными словами, Кант исследует в заметке проблему определения слов. Например, слово, употребленное в формальном значении, выражает сущность вещи (ее видовое отличие), т. е. качество, а в материальном — количество (объем понятия). Как считает профессор В. В. Васильев, Кант пытался во втором издании «Критики чистого разума» (1787) исключить эти концепты (единство, истину и совершенство) из числа элементарных понятий мышления, однако в данной заметке он предлагает иную классификацию [5, с. 354]. В «Критике чистого разума» [В 114] он пишет: «Эти мнимо трансцендентальные предикаты вещей суть не что иное, как логические требования и критерии всякого знания о вещах вообще; в основу знания они полагают категории количества, а именно: *единство, множественность и всеполнота*²⁵; но они должны, собственно, рассматриваться с точки зрения содержания как принадлежащие к возможности самих вещей, между тем как на деле ими пользовались только в формальном значении как принадлежащими к числу логических требований в отношении всякого знания и в то же время неосмотрительно превращали эти критерии мышления в свойства вещей самих по себе» [6, с. 115].

4. Заключительные замечания

Работа с текстом «Семи небольших заметок» И. Канта была начата мною в рамках программы «Kant-Stipendium» (фонд Zeit-Stiftung) в 2007 году в университете Гуттенберга г. Майнца. В библиотеке университета я смог ознакомиться с изданием Г. Хартенштайна, в котором эти заметки и были найдены.

По приезду в Калининград мы впервые обсудили с профессором В. Н. Брюшинкиным проект перевода «Семи небольших заметок». Он одобрил идею перевода и комментария к нему. С тех пор велась работа по сбору информации к этому сочинению (ведь каждая из заметок затрагивает определенный раздел философии Канта, а также исторический пласт событий), что замедляло процесс подготовки публикации. В силу трагических обстоятельств моего учителя Владимира Никифоровича Брюшинкина в этом году не стало, поэтому я счел своим долгом завершить перевод и вместе с послесловием представить его публике.

Я хочу также выразить благодарность профессору Л. А. Калининскому (Калининград) и А. Г. Пушкарскому (Калининград) за поддержку этого

²⁵ В восьмитомном собрании сочинений Канта (1994) слово «Vollkommenheit» переводится как «всеполнота», мы перевели его как «совершенство».

проекта. Профессор В. Штарк (W. Stark, Marburg) оказал неоценимую услугу, предоставив мне в пользование текст А. Варды, а также дав некоторые важные исторические разъяснения. Я признателен доктору естественных наук У. Водарцику (U.F. Wodarzik, Worms) за его помощь в объяснении заметки Канта по физике, а также кандидату философских наук А. М. Сологубову (Калининград) за советы по поиску текстов по физике, в которых рассматривается аналогичная проблематика.

Отдельное спасибо профессору В. В. Васильеву (Москва), поделившемуся собственным мнением по поводу некоторых из «Семи небольших заметок», поскольку он уже ранее переводил четыре из них.

Список литературы

1. Васильев В. В. «Маргинальная» метафизика Канта // Логос. 1997. №10. С. 100–107.
2. Гегель Г. В. Ф. Письма 1793–1831 // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1971. Т. 2.
3. Гюйгенс Х. О движении тел под влиянием удара // Голин Г. М., Филонович С. Р. Классики физической науки (с древнейших времен до начала XX века). М., 1989. С. 124–128.
4. Жучков В. А. Черновые заметки // Собр. соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 698.
5. Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus Postumum*). М., 2000.
6. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 3.
7. Кант И. Лекции по этике // Кант И. Лекции по этике. М., 2000. С. 38–224.
8. Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 247–373.
9. Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Там же. Т. 1. С. 261–313.
10. Кант И. О конце всего сущего // Там же. Т. 8. С. 205–219.
11. Кант И. Опровержение проблематического идеализма // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград. 1978. Вып. 3. С. 124–126.
12. Кант И. Опровержение проблематического идеализма // Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. С. 650–652.
13. Кант И. Опровержение проблематического идеализма // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 626–628.
14. Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. С. 5–224.
15. Мосс М. Молитва // Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 234–333.
16. Flittner Chr. G. Biographie Joh. Gottfr. Christian Kiesewetter's Dr. und Professor der Philosophie // Kiesewetter J. G. Chr. Darstellung der richtigen Wahrheiten der Kritischen Philosophie. Flittner'sche Buchhandlung. Berlin, 1824. S. XIII–XXII.
17. Kant: Briefwechsel, Brief 394, von Johann Gottfried Carl Christian Kiesewetter // URL: <http://www.korpora.org/kant/briefe/394.html> (дата обращения: 03.08.2012).
18. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1944.
19. Kant I. Prolegomena zu einer jedenkünftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. Riga, 1783.
20. Kant I. Sieben kleine Aufsätze // I. Kant's Sämmtliche Werke. Briefe, Erklärungen. Fragmente aus seinem Nachlasse / hrsg. von K. Rosenkranz und F. W. Schubert. Th. 11, Abth. 1. 1842. S. 260–272.
21. Kant I. Sieben kleine Aufsätze // Kant I. Sämmtliche Werke in chronologischer Reihenfolge / hrsg. von G. Hartenstein. Bd 4. Leipzig, 1862. S. 497–507.
22. Kant I. Sieben kleine Aufsätze // Kant I. Sämmtliche Werke. Bd 8 : Vermischte Schriften und Briefwechsel / hrsg. und erl. von J. H. v. Kirchmann. («Der Philosophischen Bibliothek». Bd 50). 1873. S. 191–203.

23. *Kant I.* Über das Moment der Geschwindigkeit im Anfangsaugenblick des Falls // Kant's Gesammelte Schriften. Bd 14. Abt. 3 : Handschriftliche Nachlass. Bd 1. Berlin ; Leipzig, 1925. S. 495–496.

24. *Kiesewetter Johann Gottfried Karl Christian* // Kant in the classroom. URL: <http://www.manchester.edu/kant/bio/FullBio/KiesewetterJGKC.html> (дата обращения: 12.07.2012).

25. *Kirchman Julius von.* Vorwort des Herausgebers // Kant I. Sämtliche Werke. Bd 8 : Vermischte Schriften und Briefwechsel / hrsg. und erl. von J.H. v. Kirchmann. (Der Philosophischen Bibliothek. Bd 50). 1873. S. VI.

26. *Paret P.* Clausewitz and the state: the man, his theories, and his times. Oxford University Press edition, 1976.

27. *Reichlin-Meldeg* von Carl Alexander Maria Freiherr. Immanuel Kant's sämtliche Werke... // Heidelberger Jahrbücher der Literatur. 1867. №36. S. 567.

28. *Stadelmann E.* Philosophie aus Besinnung des Denkens auf sich selbst: Berkeley und Kant. Fr. a/M, 1999.

29. *Stark W.* Nachforschungen zum Briefen und Handschriften Immanuel Kant. Berlin, 1993. S. 295.

30. *Warda A.* Eine nachgelassene Arbeit über Kants Naturphilosophie von seinem Schüler Kiesewetter // Altpreußische Forschungen. Historische Kommission für Ost- und Westpreußische Landesforschung (Königsberg). Königsberg, 1928. Bd 5. S. 304–316.

Об авторе

Троцак Алексей Иванович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Института Канта Балтийского федерального государственного университета им. И. Канта, aleksei_trocak@mail.ru

About author

Alexey Trotsak – PhD, senior research fellow of Kant-Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, aleksei_trocak@mail.ru